

Вэнь Жунь даже стал регулярно просить дядю Яна съездить в город и купить мяса.

Каждый раз он делил покупку пополам: половину оставлял себе, половину отдавал соседям.

Ведь у него припрятаны были собственные «тайные» деньги — так почему бы не улучшить рацион, как ему вздумается?

Кроме того, он нанял деревенских мастеров, чтобы построили кладовую.

Голый дом без пристройки выглядел ненадёжно и непрезентабельно.

Спустя некоторое время, к самому началу лета, трое детей заметно поправились: цвет лица у них стал гораздо лучше.

Правда, волосы всё ещё оставались сухими и ломкими, но Вэнь Жунь знал: стоит только правильно питаться — и со временем они обязательно станут густыми и чёрными, как смоль.

Мальчикам это не так критично, но вот маленькой Ван Мэй — обязательно!

Сейчас ей шесть лет — ещё не беда. Но представить, что в шестнадцать её волосы останутся таким же тусклым соломенным пучком? Недопустимо!

Поэтому первым делом Вэнь Жунь занялся укреплением здоровья детей.

Яйца больше не продавали — он установил правило: каждое утро по одному яйцу на ребёнка.

Иногда яйца шли и на готовку — например, для жарки с овощами.

К тому же с огорода уже пошли свежие овощи.

Вэнь Жунь готовил еду, стирал бельё, а за чистотой в доме следили сами дети.

Он не собирался их баловать: пусть делают всё, что по силам.

А сам он время от времени носил воду из колодца — всё-таки нужно поддерживать форму!

Кроме того, он заказал у местного плотника столы, стулья и скамьи.

И вот 1 июня на северной стене его кабинета появилось изображение Учителя Конфуция.

В тот день он собрал троих детей из семьи Янов и своих троих воспитанников, и все вместе совершили церемонию поклонения Великому Мудрецу.

Так началось их официальное обучение.

За это время Вэнь Жунь также разобрал и привёл в порядок книги прежнего хозяина тела.

Видимо, из-за дороговизны книг в древности, все три сундука с литературой сохранились в прекрасном состоянии.

Только «Четырёхкнижие» и «Пять канонов» («Сы шу у цзин») имелись в трёх экземплярах!

А учебников для начинающих — «Ци мэн» («Начальное наставление»), «Бай цзя син» («Сто фамилий»), «Цянь цзы вэнь» («Тысяча иероглифов») и прочих — набралось штук семь-восемь.

Разобрав книги, Вэнь Жунь получил отличные учебные пособия для занятий с детьми.

А поскольку приближалось лето, он выделил деньги и обратился к тётушке Ян:

— Летом комары и мошки донимают всех, но взрослые ещё могут терпеть, а детям это вредно. Не прошу ничего особенного — просто помогите сшить несколько москитных сеток. Повесим и у вас, и у нас — и взрослым, и детям будет легче пережить зной.

— У вас самих сшейте, — замялась тётушка Ян. — А мы уж как-нибудь обойдёмся: пожжём полынь, отгоним насекомых...

Она чувствовала, что это будет выглядеть как попытка воспользоваться чужой добротой, и не хотела соглашаться.

— Это не польза, — мягко возразил Вэнь Жунь. — Если дети меньше будут чесаться, на уроках они не станут отвлекаться. Да и укусы комаров ядовиты: взрослый выдержит, а ребёнок — может и заболеть.

С ними было трудно объяснить логику, но Вэнь Жуню просто хотелось повесить москитные сетки, чтобы спокойно спать летними ночами.

Тётушка Ян не смогла его переубедить. К тому же за менее чем месяц после приезда Вэнь Жуня дом семьи Ванов буквально преобразился.

Она и сама хотела помогать — и согласилась.

Через три дня москитные сетки были готовы.

Ни семья Ванов, ни семья Янов не придерживались особых обычаев. Да и вообще жители Ляньхуаа изначально были переселенцами-беженцами, поэтому по привычке устроили в домах печи-каны.

Климат здесь был переходным — между югом и севером: зимы холодные, снега и ветра не ураганные, но и не слабые.

Зато можно было даже немного выращивать рис.

Вэнь Жунь до сих пор не мог понять: это юг или север?

Но склонялся к тому, что всё-таки ближе к югу — за последние две недели прошло пять дождей, не сильных, но частых, туманных и мелких, как бывает на юге.

А сегодня хлынул настоящий грозовой ливень.

Гром гремел без перерыва, молнии сверкали одна за другой.

Вэнь Жунь сварил детям лапшу в бульоне, приготовил соус из яиц и сои, а также бланшировал немного зелёных овощей.

Но ночью дети никак не могли уснуть: гром постоянно будил их.

Маленькая Ван Мэй даже всхлипывала от страха.

Вэнь Жуню ничего не оставалось, кроме как взять сестрёнку на руки:

— Ну-ну, старший брат-муж держит тебя, покачает... Не бойся! Даже самый сильный гром не ударит в наш дом.

Братья тоже подошли ближе.

Вэнь Жунь зажёл свечу — одну из пары алых свадебных свечей из приданого.

Обычно он очень берёт их и почти не использовал, но сегодня без света не обойтись — дети слишком боялись темноты.

— Ага... — тихо прошептала Мэй, прижавшись к нему.

Было лето, и, несмотря на дождь, в комнате было тепло.

Дети укрылись лёгкими хлопковыми простынями и устроились рядом с ним.

Сам Вэнь Жунь сел, скрестив ноги, обнял Мэй и начал напевать ей колыбельную — ту, что помнил из прошлой жизни:

«Мерцай, мерцай, звёздочка ясная...

Всё небо полно звёздочек маленьких...»

Покачивая ребёнка, он сам незаметно задремал, прислонившись к стопке одеял.

На следующий день у него затекли поясница и ноги — от неудобной позы.

Зато утро выдалось солнечным, и жара быстро высушила лужи.

Их дом, будучи новым, не протекал — что было большим плюсом.

Теперь распорядок дня Вэнь Жуня стал чётким:

утром — варил кашу;

до обеда — учил детей грамоте;

в обед готовил еду (кулинарный талант у него был скромный, но голодными никто не оставался);

после обеда — обязательный дневной сон;

днём занятий не было — дети помогали по дому или гуляли во дворе, чтобы укреплять здоровье;

на ужин подавал лёгкие, легкоусвояемые блюда.

Он заметил: и его собственное тело, и детские организмы плохо переваривали тяжёлую пищу.

Если поужинать даже на восемь десятых сытости — его тошнило.

Приходилось есть только до семи десятых.

Поэтому утром и вечером еда была всегда мягкой и нежирной.

Лишь в обед можно было позволить что-то более плотное — например, тушёную курицу.

Постепенно жизнь вошла в русло, и Вэнь Жунь всё лучше привыкал к новому миру.

После той грозовой ночи, когда он зажжёт свечу и утешал детей, их отношения стали особенно тёплыми и доверительными.

С наступлением лета Вэнь Жунь попросил тётушку Ян сшить детям майки, шорты и бриджи.

А дядя Ян сплел для ребятшек множество соломенных сандалий — больше у них ничего не было, чем можно было бы одарить детей.

Вэнь Жуню это очень понравилось.

А вот с его собственной одеждой дело обстояло сложнее: его статус налагал особые требования.

В древности, как и сейчас, одежда строго соответствовала социальному положению.

Простолюдин не мог носить то, что полагалось учёному.

Особенно почитаемой была «цин цзинь» — традиционная одежда ученика.

Сюйцай, получивший учёную степень, обязан был носить именно её.

Как сказано в «Юйсюэ цюньлинь» («Нефритовый лес детского обучения») Чэн Дэнци:

«Бу и — прозвище простолюдинов,

Цин цзинь — звание учеников».

В «Шицзине» («Книге песен»), в главе «Чжэн фэн·Цзы цзинь», есть строки:

«Синий твой воротник,

Тревожит моё сердце...»

В «Маоши чжу шу» («Комментарии и толкования к „Мао Ши“») поясняется:

«Цин цзинь — это синий воротник, одежда, которую носят ученики».

Поскольку в этом стихотворении описывалась одежда учеников Чжоу, «цин цзинь» стало символом студента Императорской академии, а затем — и всех книжников на протяжении многих династий.

Поэтому сшить одежду для Вэнь Жуня было особенно сложно.

Но иного выхода не было: ему нужен был статус суйца, чтобы держать оборону.

Как иначе выжить в деревне, где в доме только дети да он сам — слабый книжник?

Ван Цзюэ уже рассказывал ему: до его приезда у них постоянно что-то воровали.

Пусть деревня и маленькая, но бездельники и хулиганы есть везде.

<http://bllate.org/book/15642/1398025>